

Гоголь и Пушкинъ.

Знакомство Гоголя съ А. С. Пушкинымъ, перешедшее вскорѣ въ дружбу, состоялось въ маѣ 1831 года, въ Петербургѣ, куда Пушкинъ прибылъ изъ Царскаго Села. Знакомство это открывало Гоголю двери въ избранное общество литераторовъ и вообще, образованныхъ людей, среди которыхъ были такіа громкія имена, какъ Жуковский, Вяземскій, Вильгорскій, Гнѣдичъ и Крыловъ.

Пушкинъ, со свойственной ему естественностью и непритязательностью, съ первыхъ же шаговъ сумѣлъ плѣнить и очаровать Гоголя, а его непринужденное и пріятельское отношеніе заставило послѣдняго съ полной довѣрчивостью и преданностью видѣть въ Пушкинѣ своего искренняго друга и доброжелательнаго наставника. Какъ истинно-великій человекъ, Пушкинъ сразу же опредѣлялъ въ Гоголѣ мощныя писательскія дарованія, и отъ души протянулъ ему руку помощи и поддержки, для продолженія и развитія начинающаго таланта.

Въ особенности сближенію Пушкина съ Гоголемъ содѣйствовало лѣто 1831 года, которое послѣдній проводилъ въ Павловскѣ, въ качествѣ гувернера малолѣтняго князя Василя Васильчикова, а Александръ Сергѣевичъ проживалъ въ 3-хъ верстахъ, — въ Царскомъ Селѣ. Видясь почти ежедневно, Гоголь посвящалъ Пушкина во всѣ свои литературные замыслы, дѣлился своими впечатлѣніями и наблюденіями и бывалъ чрезвычайно обрадованнымъ, когда Александръ Сергѣевичъ давалъ ему совѣты.

Въ свою очередь и Пушкинъ отъ души радуется первымъ лаврамъ Гоголя и отечески заботится о распространеніи его славы и о лучшемъ приѣмѣ его въ журналистикѣ.

Не довольствуясь лишь одними указаціями и совѣтами, Пушкинъ даетъ ему иногда сюжеты и темы для работъ, принимая на себя даже предварительную художественную цензуру его произведеній.

Изъ такихъ темъ, Пушкинымъ данъ сюжетъ, послужившій Гоголю основой для его безсмертной комедіи «Ревизоръ».

Въ знакъ исключительнаго почета, Гоголь предназначаетъ первый экземпляръ своихъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» — Пушкину, сопровождая его посланіемъ, на оставляющимъ сомнѣнія, въ высокомъ уваженіи Гоголя къ Пушкину.

Въ воспоминаніяхъ лицъ, близко соприкасавшихся съ обоими, часто слы-

шатся восторженные ноты объ этой великой дружбѣ двухъ гениевъ русской земли.

Это благоговѣніе Гоголя къ Пушкину лучше всего отражено въ письмѣ Гоголя къ Плетневу, написанномъ тогчасъ же по полученіи извѣстія о мучительной кончинѣ Пушкина:

«Вся наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе, исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Что скажете оиъ, что замѣтить оиъ, чему изречеть неразрушимое и вѣчное одобреніе свое — вотъ, что меня только занимало и олушевляло мои силы. Тайный трепетъ, пелкушаемаго на землѣ удовольствія, обнималъ мою душу... О Боже! нынѣшній трудъ мой («Мертвая душа», прим. авт.) — внушенный имъ, его созданіе... Я не въ силахъ продолжать его. Нѣсколько разъ принимался за перо, — перо падало изъ руки моихъ. Невыразимая тоска!..»

Можетъ быть въ этой мистической дружбѣ двухъ гениевъ Россіи и отдалка трагической судьбы «Мертвыхъ душъ». Гоголь не докончилъ величайшее твореніе свое, потому что тогда уже не было въ живыхъ, рядомъ съ нимъ, его великаго друга Пушкина.

А. Тайгинъ.